

УДК 111

Л. Н. Сумарокова
кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософії
Національного університету «Одеська юридична академія»

О ДИАЛОГИЧНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Постановка проблемы. Вопрос о соотношении философии и науки, о месте философии и философских дисциплин в системе современного образования не является чисто теоретическим или «слишком абстрактным». Он тесно связан с «вращением геополитической оси», меняющим «топографию культурного мира», о которой в последнее время мы должны задумываться гораздо более серьезно, если нас интересует будущее Украины и ее культуры. Опять будем «диким Востоком Европы» или нам грозит опасность стать «деградирующим Югом»? [1, с. 174–175]. Вопрос о том, является ли философия мировоззрением или наукой, представляется некорректным, как некорректно противопоставление «антрополого-гуманистического украинского шестидесятилетия» украинскому же варианту «методологии и философии науки» [2, с. 17]. А между тем элементы такого противопоставления до сих пор имеют место при исследовании состояния философских исследований.

Целью статьи является осмысление предмета философии и ее отношения к науке в рамках коммуникативной парадигмы. И в этом смысле – защитить «украинское шестидесятилетие»: признать философию теоретической формой мировоззрения, в которой с необходимостью присутствует научная составляющая и – шире – рациональная составляющая.

Изложение основного материала. В качестве исходного примем тезис о том, что предметом философии как формы мировоззрения является отношение «человек – мир» [3, с. 15]. Это отношение имеет много аспектов, измерений: человек – природа; человек – космос; человек, природа – бог (абсолют); человек – общество; человек – история; человек – другой человек и т. д. В любом случае точкой отсчета при изучении указанного отношения является человек как одна из его сторон, а потому философия неизбежно становится формой самосознания человека [3, с. 17].

Различие между философией и наукой при таком подходе состоит в том, что наука делает предметом своего изучения *одну из сторон* отношения «человек – мир», а философия фиксирует внимание *на самом отношении*. При этом различные философские системы различаются между собой трактовкой данного отношения или как несимметричного (детерминация, иерархия, «первичность – вторичность» и т. п.), или как симметричного (гармония, тождество, взаимодействие, взаимодетерминация и т. д.). В первом случае возникает вопрос об установлении главной и подчиненной стороны отношения, а во втором фиксируется внимание на симметрии, равноценности обеих сторон взаимодействия, об основаниях их единства и взаимопроникновения. Известный философский принцип «все во всем», по-видимому, релевантен именно второму подходу.

Отношение «человек – мир» как диалог.

Мне бы хотелось обратить внимание на возможность интерпретации отношения «человек – мир» как *диалога*, в котором каждая сторона «задает вопросы» другой и каждая сторона каким-либо образом отвечает на «вызов», «вопрос», «реплику», «сигнал» другой стороны. Жизненно важной для сохранения диалога становится способность «услышать», понять вопрос, терпеливо дожидаться «ответов» на свои «вопросы», понять их и отразить это понимание в последующем диалоге. При этом диалог понимается очень широко и, конечно, не сводится к словесным формам, к «разговору». Речь идет о *коммуникативном взаимодействии* в самом широком смысле и о знаковости также в широком смысле.

Подобное понимание отношения «человек – мир» высказывалось неоднократно, хотя до сих пор не является общепринятым. Например, В. Лекторский ставит вопрос

об интерпретации процесса познания как «диалога познающего и познаваемого, каждый из которых играет роль самостоятельного партнера» [4, с. 11]. Цель такого диалога «в том, чтобы с помощью своего оппонента выяснить реальное положение дел» [4, с. 68]. К этому следует добавить, что категория Диалога в широком ее понимании может быть распространена на всю философию, а не только на гносеологию.

Ю. Лотман, например, представляет отношение «человек – мир» вслед за И. Кантом как отношение того, что представимо и выразимо с помощью человеческого языка, с тем миром, который находится вне сферы языка (с трансцендентальным, ноуменальным миром) [5, с. 12]. Это отношение, по И. Канту, взаимонепроницаемо, а с точки зрения Ю. Лотмана, вполне проницаемо для вторжения и с одной, и с другой стороны; более того, оно предполагает «проблему перевода» содержания языка «на вневещающую, запредельную для языка реальность» [5, с. 13]. При этом Ю. Лотман считает принципиально важным признать:

1) необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности;

2) неизбежность того, что пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью [5, с. 13].

Как представляется, эти идеи Ю. Лотмана вполне применимы при осмыслении сущности философии как формы освоения мира, включенной в Диалог: с самого возникновения философии в ней сосуществовали разные языки как разные системы базовых категорий; ни одна философская система не может претендовать на роль единственной, достаточной; только их совокупность создает возможность продуктивного диалога с миром. В этом смысле можно говорить о Диалоге «многоязычного» Человека с Миром. Однако ведущей стороной Диалога являются не языки, а Человек, генерирующий их в процессе взаимодействия с Миром. А это значит, что обязателен учет целей, ценностей, интересов, «жизненных миров» и «жизненных ситуаций» человека как участника Диалога – от конкретного «Я» до субъекта ноосферного уровня.

В «ноосферном диалоге», как отмечает И. Дмитриевская, главной целью является «создание целостности человека и природы», духовной целостности человечества, что достигается с помощью «диалога поколений и культур» [6, с. 58]. Такой диалог многим представляется утопией; однако его возможность становится все более реальной при практическом осуществлении любого конструктивного диалога культур, социумов, а также личностей, их представляющих. В процессе конструктивного диалога уменьшается или исчезает неопределенность информации, появляется возможность креативного синтеза, консенсуса. Немаловажную роль при этом играют виртуальные диалоги представителей разных школ философии, разделенных во времени и пространстве, но включенных в общее смысловое поле, вступающих во взаимодействие с помощью новых субъектов, выполняющих роль своего рода медиумов.

Обычно обращают внимание на то, что при всем разнообразии философских систем они реализуют *рационально-критический стиль* мышления, и общения, что объединяет философию с наукой. Однако с этим можно согласиться лишь отчасти. Стиль мышления философии не укладывается полностью в стиль критического рационализма. В противном случае философия не могла бы быть метаязыком межкультурных диалогов, разных форм мировоззрения и практического освоения мира.

Проблема языка философии – отдельная и непростая проблема. Следует обратить внимание на то, что филосо-

фия не может не быть рациональной, она всегда реализует определенный уровень рациональности Человека; но она не может быть только *критически* рациональной (существуют позитивные функции). Более того, философия не может быть только и исключительно рациональной. Философия представляет в Диалоге целостного человека, а не только его разум; как бы ни была важна роль рационального начала в бытии человека, оно всегда предполагает взаимодействие рационального со вне- и сверхрациональным и всегда противостоит иррациональному. Ко внерациональному относятся волевая и чувственно-эмоциональная сферы жизни человека, а также части сферы бессознательного, а к сверхрациональному – сфера высшей духовности, включающая концепты, идеи, установки и принципы, ценностные ориентиры, идеалы, отражающие положительное, желаемое в отношениях с миром, а также табу, запреты, ограничения в этих же отношениях, предостерегающие от всего опасного, нежелательного, разрушительного для человека. Иррациональное соотносится с неуправляемым и непредсказуемым хаосом, разрушением, смертью, со всем тем, что враждебно самой сущности человека (античеловечно).

И бытие, и сам человек содержат иррациональное, но без противовеса, без противостояния этому иррациональному ни бытие, ни человек невозможны. Вне сферы рациональности человек обречен на гибель. Вот почему одна из главных функций философии – защита рациональности, ее укрепление и развитие. При этом рациональность следует понимать в широком смысле: как предполагающую единство разума со вне- и сверхрациональными сферами сознания человека; как результат взаимодействия разных рациональностей (коммуникативная рациональность).

Внутри каждой философской системы есть некий разумный «каркас», своя логика. Это не мешает тому, что категории философии всегда больше, чем мыслительные конструкции; они всегда *концепты культуры*, и в качестве таковых по своему содержанию и индивидуальны, и сверхиндивидуальны, рациональны и сверхрациональны. Но никогда не иррациональны. Даже будучи примененными к осмыслению иррационального или мистического, они остаются инструментами разума человека, инструментами самопознания, самосохранения человечества и всего человеческого в этом мире. Категории философии не просто понимаются – они переживаются, они экспрессивно окрашены, их интуитивно принимают или не принимают, соотнося с некоторой шкалой ценностей, с уже принятыми данной личностью образцами, идеалами, целями, установками, базовыми смыслами культуры. Категории философии, будучи инструментами теоретического и – шире – рационального освоения мира, в то же время сохраняют ту эмоционально окрашенную «ауру», которая *возникает в общении с миром* и которая является обязательной частью ментальности любой культуры.

Философия – продукт конфликтного диалога.

Если признать, что философия направлена на осознание отношения «человек – мир» как Диалога, то следует согласиться и с тем, что далеко не каждый вариант диалога человека и мира продуцирует постановку философских проблем, их последующие анализ и разрешение. Философия – продукт *конфликтного диалога*. Человек, живущий в гармонии с миром, в благополучии, согласии, любви и счастье, как правило, менее склонен к философским размышлениям, чем человек, который по-настоящему осознал ценность истины, любви, счастья и гармонии, лишь пережив горе, непонимание, отчаяние, ненависть, страх, катастрофы, кровавые войны и т. п.

Конфликтность философской коммуникации часто усматривают также в том, что «философия, несмотря на свои тысячелетние усилия, не открыла еще, кроме нескольких логических аксиом, никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных [цит. по 10, с. 10]. Эта особенность философии осознается как отклонение от нормы, соблюдаемой в научном познании, что, в свою очередь, ставит под вопрос как наличие диалога между субъ-

ектами философствования, так и возможность его успешности.

Конфликт, по А. Ишмуратову [7], – это «сбой в коммуникации», некоторая болезнь, патология общения, неизбежно возникающая и требующая реакции коммуникантов, их некоторых усилий для понимания, разрешения (или преобразования) конфликтной ситуации. Без этого дальнейшее общение затруднено или даже невозможно.

Конфликт проходит в своем развитии несколько стадий, начиная с появления отдельных элементов непонимания сторонами друг друга и кончая войной «на уничтожение». Каждая стадия предполагает свои пути и возможности как для разрешения, так и для продолжения конфликта. Ю. Лотман считал конфликтность, «напряженность», «силовое сопротивление», «взрыв» не патологией общения, а его нормой, его нормальным механизмом, поскольку у коммуникантов всегда разные смысловые пространства, разная смысловая память и постоянно возникает необходимость в урегулировании взаимодействия смысловых полей и поведения коммуникантов.

В культурном развитии присутствуют и постепенные, и взрывные процессы (соответственно, «спокойные» и «конфликтные» диалоги и полилоги). Уничтожение одного из этих полюсов привело бы к исчезновению другого, а следовательно, «подобное уничтожение было бы губительно для культуры, но, к счастью, оно неосуществимо» [5, с. 17]. Коммуниканты не только имеют свое видение, осмысление ситуации, свою смысловую память, но и осуществляют определенную мысленную реконструкцию смыслового поля оппонента, при этом вольно или невольно «вносят *свою* личность, *свою* культурную память, коды и ассоциации» [5, с. 219].

По мнению Ю. Лотмана, фиксация непонимания не менее важна, чем установление понимания: именно непонимание включает механизмы, регулирующие коммуникацию. Каждая сторона диалога перестраивает свой образ ситуации и свою программу действий в пределах тех возможностей, которые порождает объективное соотношение смысловых полей коммуникантов, определенного и неопределенного в них. Стремление к большей определенности – естественная цель любой философской коммуникации.

Одна из важнейших функций категориального базиса философских систем – дать опору, базу для взаимопонимания, сделать его возможным, *повысить определенность смыслов* знаковых конструкций, используемых в общении. Язык философии в некотором смысле – поучительный образец для лингвистов, в частности для участников давнего спора «менталистов» и «формалистов», опирающихся на приоритет то семантики, то синтаксиса языка. В настоящее время спор разрешается в коммуникативной парадигме, исходящей из того, что синтаксис языка зарождается внутри первичных, неструктурированных смысловых образований; «развертывание» исходных смыслов в синтаксические линейные конструкции возможно только как результат сотрудничества автора и адресата, их коммуникативного опыта.

У. Чейф отмечает, в частности, что мысль состоит из единиц, сопоставимых с понятиями, идеями, которые включают одновременно как образы, так и эмоции. Языковые универсалии обычно ищут в синтаксисе, но «они должны в наибольшей мере присутствовать в мышлении, несколько в меньшей степени – в семантике и в намного меньшей – в синтаксисе [8, с. 79–81]. Язык философии никогда не вызывал сомнений в том, что именно исходные идеи (смыслы), исходные понятия (категории) задают диапазон возможностей для будущих текстов – философских концепций, курсов. Философский термин «монада» позволяет лучше понять роль слова в любом языке: слово содержит в себе свойства целого, отражает и хранит их. Может быть, поэтому весьма ограниченными в их философском применении оказались те варианты современной логики, которые базировались преимущественно на синтаксисе используемых формализованных языков, оставляя семантику исходных

«термов» за скобками, отводя им роль произвольных зна- ков, в том числе переменных. А между тем именно выбор исходных для логического анализа единиц мысли играет решающую роль в плане возможностей логики при разреше- нии проблем вывода, доказательства, принятия решений.

Без повышения степени ясности, понятности, опре- деленности исходных смысловых единиц любого языка, представляющих мыслительную деятельность человека, трудно добиться успеха в коммуникации, а тем более раз- решения возникающих «сбоев», «патологий» в общении. В этом плане исчезновение учения о понятии из логики XX века – явление трагическое, особенно если учесть, что логика (аналитика) в философии XX века занимала далеко не последнее место. Ограниченность логики синтаксически- ми универсалиями не может не сопровождаться ограничен- ностью философских учений, частью которых эта логика является, и, соответственно, непониманием в философской коммуникации.

Впрочем, диалогический характер философии создает условия для разрешения конфликтов, поскольку форми- рует определенную симметрию в устройстве и функцио- нировании ее текстов: с одной стороны, исходные смыслы («начала») определяют направленность и диапазон фило- софствования, любого философского дискурса; с другой сто- роны, смысл философских категорий меняется в зависимо- сти от того, в какую философскую систему они включены.

На языке теории систем любое философское учение – сильная система, поскольку она меняет свойства вхо- дящих в нее элементов [9, с. 171]. Но можно утверждать и обратную зависимость: каждая философская категория обладает собственной «силой», оказывая «сопротивле- ние» системе, сохраняя некоторую «ядерную» часть своего смысла; более того, она может быть субстратом далеко не каждой философской системы, а при вхождении в новую систему меняет ее.

Философия как предмет личностного выбора.

Одним из отличий философии от науки выступает, с точки зрения А. Умова, то, что она является «царством свободы», дает право свободного выбора той или иной фило- софской позиции: наука может обосновывать свои поло- жения до такой степени, что делает их общезначимыми, даже обязательными. Философия не отличается принуди- тельностью, она предоставляет свободу [10, с. 5–6]. Однако «свободный выбор» не означает «произвольный выбор». Философская мудрость состоит в том, что любой выбор, во-первых, должен быть обоснован и, во-вторых, должен соотноситься с конкретными «жизненными мирами», пер- спективами, целями, возможностями человека; в-третьих, выбор оценивается как с точки зрения выполнения функ- ций описания, объяснения и прогнозирования реальных от- ношений человека и мира, так и с точки зрения сохранения и развития самого Диалога.

Выбор исходных философских смыслов и создание си- стемы философских взглядов имеют личностный харак- тер. Человек как сторона Диалога универсален, это един- ство составляющих его индивидов и социума в целом. Но вместе с тем он реализуется только через индивидуальную, личностную активность, через интересубъектные взаимо- действия. В этих взаимодействиях проявляется как вну- тренняя, так и внешняя детерминация. Внутренняя свя- зана с личным жизненным опытом, с его переживаниями, противоречиями, конфликтами. Этот опыт формирует, скорее, *возможность*, способность философского мышле- ния, появление некоторых фрагментов философских идей. Внешнее воздействие оказывают знакомство с философ- скими взглядами других людей и, главным образом, изу- чение истории философии. Значимость второго (внешнего) источника возрастает по мере возрастания масштаба дея- тельности человека. Иными словами, значимость фило- софской культуры человека возрастает пропорционально тому, насколько от его деятельности будет зависеть судьба других людей и общества, в котором он живет. Это важно учитывать, потому что, в отличие от физического мира,

мир человеческого бытия таков, что он «делает уникаль- ными некоторые акты, которые обозначаются словом «от- ветственность», «решение», «выбор», «понимание» и пр.» [11, с. 22].

Необходимым логическим условием успешности любо- го выбора является полнота учета альтернатив. Насколько полно представлены альтернативные варианты философ- ских идей и концепций в том или ином обществе, зависит от господствующего интеллектуального климата, от степени свободы субъектов коммуникации, от того, какие авторите- ты влияют на определение критериев выбора.

Следует согласиться с В. Кебуладзе, который указывает на новые смысловые коннотации известного афоризма «зна- ние – сила»: «знание не только дает нам силу, которая, кста- ти, может обернуться против нас самих. Сам процесс позна- ния является проявлением силы и реализуется с позиции признанного в научном обществе авторитета» [12, с. 8]. Как формируется этот авторитет? Всегда ли авторитет достоин доверия? Всегда ли он ориентирует на объективность и пол- ноту информации? Ответы на подобные вопросы «очерчива- ют интеллектуальное пространство, в котором происходит конкуренция различных взглядов, подходов, методологий и парадигм. В цивилизованном мире такая конкуренция делает невозможным длительное доминирование одной из позиций – подобно тому, как политическая конкуренция отводит угрозу авторитаризма и тоталитаризма». И далее: «Претензия на единственность противоречит претензии на научность» [12, с. 8].

Это очень важный вывод, естественный для нас еще и потому, что все богатство отношений «человек – мир» не мож- жет быть охвачено какой-либо одной философской концеп- цией с использованием одного специализированного языка. Множественность философских учений неизбежна, а про- блема выбора всегда должна сопровождаться уточнением «системы координат»: «жизненных миров» коммуникан- тов, класса решаемых задач, принятых ценностей, «жанра» коммуникации и т. п.

В процессе изучения философии как учебной дисци- плины часто возникает дилемма: можно ли строить свои философские взгляды «по себе», с учетом личностной биографии, интересов, индивидуальных вкусов, устано- вок, целей и ценностей, или надо находить «объективно наилучший» вариант философии, наиболее релевантный логике развития философии, личности, общества? Легко заметить, что дилемма построена логически неправиль- но, поскольку в ней не учтены все возможные варианты, в частности исключается возможность объединения, сов- падения индивидуально ценного и социально ценного, не учитывается существование коммуникативной рациональ- ности, отличной от рациональности каждого отдельного субъекта коммуникации.

Система образования, будучи и государственной, и со- циокультурной сферой деятельности, должна четко опре- делиться относительно целей включения философии в су- ществующие образовательные программы. Тоталитарное государство подчиняет изучение философии своей идеоло- гии; либерально-демократическое государство предостав- ляет свободу выбора путей формирования своей интеллек- туальной жизни студентам и преподавателям.

Оптимальным вариантом для демократических госу- дарств или государств, развивающихся в демократическом направлении, по-видимому, является такой, в котором:

а) создаются возможности для качественного образова- ния, в данном случае для изучения наиболее значимых фило- софских идей, направлений;

б) на основе демократических и гуманистических ценно- стей формируются критерии оценки и выбора философских взглядов, рассмотренных в контексте реального или вирту- ального диалога друг с другом.

Диалогичность самой философии, как представляется, должна сопровождаться и диалогичностью форм и способов ее изучения, а также выработкой навыков разрешения кон- фликтов в коммуникации.

Литература

1. Кебуладзе В. Постколониальные исследования в современной украинской гуманитаристике / В. Кебуладзе, Т. Дзядевич // Политики знания и научные сообщества. – Вильнюс : ЕГУ, 2015. – С. 174–176.
2. Козаченко Н. Аналитическая философия / Н. Козаченко, О. Панафилина, Я. Шрамко // Политики знания и научные сообщества. – Вильнюс: ЕГУ, 2015. – С. 14–48.
3. Шинкарук В. Мировоззрение, философия, культура / В. Шинкарук, Ж. Абдильдин и др. // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики / отв. ред. В. Шинкарук, А. Яценко. – К. : Наукова думка, 1981. – 368 с.
4. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М. : Эриториал УРСС, 2001. – 256 с.
5. Лотман Ю. Культура и взрыв // Ю. Лотман / Семиосфера. – СПб. : Искусство СПб, 2004. – С. 12–148.
6. Дмитриевская И. Системная герменевтика. Концепты, смыслы, тексты : [монография] / И. Дмитриевская. – Иваново : ИГСХА, 2014. – 384 с.
7. Ишмуратов А. Конфликт і згода / А. Ишмуратов. – К. : Наукова думка, 1996. – 190 с.
8. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении / У. Чейф / Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М. : ЯСК, 2015. – 848 с.
9. Уемов А. Системный подход и общая теория систем / А. Уемов. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
10. Уемов А. Системные аспекты философского знания / А. Уемов. – О. : Студия Негоциант, 2000. – 160 с.
11. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. Мамардашвили – СПб. : Азбука, 2010. – 288 с.
12. Кебуладзе В. Знание и сила / В. Кебуладзе // Политики знания и научные сообщества. – Вильнюс : ЕГУ, 2015. – С. 7–12.

Анотація

Сумарокова Л. Н. О диалогичности философии. – Статья.

Статья направлена против противопоставления разных философских парадигм на основании «научное и мировоззренческое (ненаучное)». Мировоззренческое отношение «человек – мир» интерпретируется автором как Диалог, а философия –

как продукт конфликтного диалога человека и мира. Обосновывается вывод о неизбежной множественности философских систем, языков философии, объединяемых принадлежностью к смысловому полю коммуникативной рациональности. Личностный выбор философской позиции происходит в контексте постоянно меняющихся коммуникативных взаимодействий, соотносящихся с осью «человек – мир».

Ключевые слова: философия, диалог, конфликт, коммуникативная рациональность, множественность философских концепций.

Анотація

Сумарокова Л.М. Про діалогічність філософії. – Стаття.

Стаття спрямована проти протиставлення різних філософських парадигм за критерієм «наукове та світоглядне (ненаукове)». Світоглядне відношення «людина – світ» інтерпретується автором як Діалог, а філософія – як продукт конфліктного діалогу людини і світу. Обґрунтовується висновок про неминучу множинність філософських систем, мов філософії, що об'єднуються належністю до змістового полю комунікативної раціональності. Особистісний вибір філософської позиції відбувається в контексті постійно мінливих комунікативних взаємодій, що співвідносяться з віссю «людина – світ».

Ключові слова: філософія, діалог, конфлікт, комунікативна раціональність, множинність філософських концепцій.

Summary

Sumarokova L.N. About dialogicity of philosophy. – Article.

The article is directed against the opposition of different philosophical paradigms on the basis of scientific / worldview (unscientific). Worldview attitude “human – world” is interpreted by the author as a Conversation, and philosophy – as a product of human conflict dialogue and world. The conclusion of the inevitable multiplicity of philosophy systems, languages of philosophy, united by belonging to the semantic field of communicative rationality. Personal choice of philosophical position occurs in the context of ever-changing communicative interactions correlated with the relationship “human – world”.

Key words: philosophy, dialogue, conflict, communicative rationality, multiplicity of philosophical conceptions.